

ВОИНЫ, ПОТЕРЯВШИЕ СТРАХЪ.

(Военные психо-патологическіе этюды. Отвѣтъ г. А. Дмитревскому)¹⁾.

І. Весной 1904 г. во время Русско-японской войны въ харбинскій сводный № 1 госпиталь поступилъ больной офицеръ—капитанъ У.; средняго роста, плотный съ окладистой, густой бородой.

Онъ не помнилъ откуда и куда прѣхалъ; гдѣ теперь находится не зналъ; забывалъ, что онъ только что сдѣлалъ и куда ходилъ.

Выраженіе лица было плаксивое. но какого-либо горя или глубокихъ страданій онъ не выражалъ. Имѣя жену и дѣтей, никогда ими не интересовался; на письма жены не отвѣчалъ; средствъ на пропитаніе для семьи не высылалъ. Жизнь въ госпиталѣ протекала у него въ занятіяхъ фотографіей, которую, повидимому, онъ раньше хорошо зналъ, и въ рисованіи топографическихъ набросковъ (онъ былъ топографъ). Газетъ не читалъ; интереса къ войнѣ не обнаруживалъ.

Врачи опредѣлили у него психическую болѣзнь и рѣшили отправить его въ Россію въ психіатрической госпиталь.

¹⁾ «Военный Сборникъ». Ноябрь 1912 г. «За» и «противъ» психологій г-на Ш—а.

Въ одинъ прекрасный день капитанъ исчезъ изъ госпиталя; бѣжалъ. Куда? Неизвѣстно. Проходятъ дни—его нѣтъ. Черезъ нѣсколько недѣль пришли вѣсти: капитанъ У. уѣхалъ на позицію.. Прошло полгода и слухи затихли.

Неожиданная встрѣча съ его сослуживцами по полку напомнила о немъ. Для меня было любопытно знать его судьбу и поведеніе въ полку.

Сослуживцы его передали слѣдующее. Приѣхалъ онъ къ намъ... Его знали въ полку и раньше, а потому, хотя онъ и капитанъ и имѣлъ на то право, роты для командованія не дали. Онъ не сердился на это и не обижался; самолюбіе у него отсутствовало. Ему было все равно: былъ ли онъ командиромъ роты, или его помощникомъ. Онъ любилъ фотографію и топографію; его опредѣлили снимать мѣстность и вообще заниматься топографическими работами. Онъ занимался усердно и въ этомъ былъ полезенъ.

Вторая особенность, кромѣ безобидности, была — его полное безстрашіе, отсутствіе въ немъ чувства страха. Онъ не боялся никакихъ опасныхъ мѣстъ, онъ всюду шель. Пули, шрапнели... не производили на него никакого вліянія. Онъ всюду шель своей тихой, замедленной походкой, не обнаруживая ни въ лицѣ, ни въ движеніяхъ рукъ и ногъ, ни въ голосѣ, ни въ поведеніи никакихъ признаковъ страха или волненія. И на счастье... пули щадили его; онъ не былъ ни разу раненъ.

Но произошелъ одинъ случай, вслѣдствіе котораго, боясь ответственности за его поведеніе, полкъ вновь послалъ его въ госпиталь.

Дѣло было при Шахѣ. Въ виду близкаго разстоянія отъ японцевъ, всякая высовуная голова изъ окоповъ была обстрѣливаема съ японскихъ позицій. А онъ ни съ того, ни съ сего всталъ, вышелъ изъ окоповъ и пошелъ отъ нашихъ позицій прямо къ японцамъ... И шель своимъ замедленнымъ шагомъ впередъ и впередъ, не оглядываясь.

Сзади ему кричали чуть не всѣ; боялись, что убьютъ ни за что. А онъ какъ будто не слышалъ и шель впередъ на японцевъ спокойно и увѣренно, какъ будто по важному дѣлу. Какъ только появился онъ на открытомъ мѣстѣ, сразу полетѣли японскія пули. А онъ, несмотря на это, шель впередъ... Дойдя приблизительно до середины разстоянія между русскими и японцами, вдругъ остановился, о чемъ-то задумался... Постоялъ..., повернулся и пошелъ обратно къ своимъ, къ тому мѣсту, откуда вышелъ. И назадъ шель

онъ такой же тихой, замедленной походкой, какой шелъ и туда. Пришелъ цѣлъ и невредимъ. Придя, не сказалъ никому ни слова; прошелъ въ свою землянку, легъ на кровать, спокойно растянулся и вскорѣ заснулъ.

Зачѣмъ онъ ходилъ? Неизвѣстно. Когда ему напомнили, зачѣмъ онъ шелъ къ японцамъ, онъ не отвѣтилъ, а повернулся спиной къ спрашивающимъ и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ: «куда? я лежу»...

Всѣ удивились его *полному безстрашію* и его слѣпому счастью... Ни одна пуля его не задѣла.

Приводимый герой, ноистинѣ, герой безъ страха, но герой печальнаго образа.

Болѣзнь поразила его душевныя свойства: соображеніе, память, приспособленіе къ окружающимъ условіямъ, чувство долга по отношенію къ семьѣ, къ государству; болѣзнь поразила даже инстинктъ самосохраненія, уничтоживъ чувство страха — и человекъ-офицеръ, капитанъ, пораженный болѣзью, былъ не цѣлою личностью, свойственной его положенію, а лишь автоматомъ, исполняющимъ привычныя работы безъ всякой личной окраски и приспособленія къ окружающимъ условіямъ.

Онъ былъ воинъ, хотя и *вполнѣ безстрашный*, но для военнаго дѣла почти бесполезный.

II. Сотня казаковъ была на развѣдкѣ вблизи отъ непріятеля.

Собравшись на ночной отдыхъ, выставили сторожевое охраненіе, сварили пищу и легли спать. Въ сторожевое охраненіе попалъ одинъ молодой, 22 лѣтъ, казакъ, до сего времени совершенно здоровый, недавно прибывшій на войну—сибирякъ.

Когда пришло время для замѣны сторожевого охраненія, смѣна подошла къ названному казаку, стоявшему на посту, и хотѣла его смѣнить, но онъ смѣны не пожелалъ, говоря: «я долженъ стоять на часахъ». Уговоры о времени, о необходимости новой смѣны, о необходимости идти спать не помогли; онъ продолжалъ стоять на часахъ съ ружьемъ и шашкой. Разоружить силой было опасно.

Доложили завѣдующему офицеру, что такой-то должно быть сошелъ съ ума, стоитъ на часахъ и идти съ поста не желаетъ.

Рѣшили идти къ нему на постъ и разоружить его, но не знали, какъ приступить къ нему. Пришли... Онъ стоитъ на часахъ, какъ слѣдуетъ. Офицеръ, подойдя, командовалъ: «ружье снять» — снялъ, «шашку снять» — снялъ. Приказалъ «идти спать» — пошелъ.

Врачъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, ничего особеннаго не нашель; физически здоровъ. Первую ночь не спалъ; потомъ спалъ. Въ госпиталь не отправили.

Съ этихъ поръ онъ никогда не смѣялся, съ другими въ разговоры не вступалъ; что прикажутъ, исполнялъ въ точности; шель въ самыя опасеныя мѣста совершенно спокойно, *безъ всякихъ признаковъ страха*. Разница въ поведеніи, сравнительно съ прежнимъ, была въ томъ, что онъ исполнялъ приказанія, какъ автоматъ, безъ личной окраски, безъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ; какъ приказано, такъ онъ и дѣлалъ, хотя бы обстоятельства перемѣнились и требовали приспособленія и новаго поступка.

Въ охраненіе его не посылали; въ случаѣ столкновений съ неприятелемъ оставляли въ резервѣ. Но, такъ какъ онъ былъ все же полезенъ для дѣла, особенно для работъ грязныхъ и для многихъ неприятныхъ, то его оставили въ сотнѣ, и онъ продолжалъ служить.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, мы имѣемъ *воина безъ страха*, но безъ страха въ силу того, что болѣзнь поразила душевныя свойства: соображеніе, память, приспособленіе къ окружающему, чувства радости, страха и др. Въ силу приведенныхъ поражений психической сферы, мы имѣемъ *воина безъ страха*, но уже не живую, цѣльную личность, какъ желательно было бы имѣть, но лишь автомата, исполняющаго приказанія по шаблону, безъ личной окраски чувствами и безъ соответствующаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ боевой жизни.

И этотъ воинъ безъ страха, какъ и предыдущій, былъ терпимъ въ средѣ своихъ товарищей, но не былъ желаннымъ среди нихъ, вслѣдствіе малой полезности, вѣрнѣе, бесполезности для боевого дѣла.

Мнѣ скажутъ, что приведенные примѣры воиновъ безъ страха рѣдки; что это люди, какъ и для всѣхъ было ясно, больные; они случайны и, слѣдовательно, въ учетъ массъ не идутъ. Согласенъ, пожалуй, это вѣрно. Но опытъ жизни и примѣры показываютъ, что, если даже съ ярко выраженной ненормальностью, воины остаются при войскахъ, то менѣе яркіе случаи несомнѣнно встрѣчаются еще чаще.

А теперь позволю привести рассказъ, какъ свидѣтельство, ослабленія инстинкта самосохраненія, или потери страха, встрѣчающихся на войнѣ довольно часто у лицъ, повидимому, совершенно здоровыхъ.

Въ одинъ изъ госпиталей тыла арміи привезли въ сопро-

вожденіи нѣсколькихъ лицъ офицера. Офицеръ — штабсъ-капитанъ средняго роста, сухощавый съ виду, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и губъ; при разговорѣ слегка заикается и учащенно дышитъ. Сопровождающія лица, опредѣляя его въ госпиталь, просили «особенно за нимъ посмотрѣть»... Казалось, такая предосторожность, какъ «особенно за нимъ посмотрѣть», говорила за то, что привезенный офицеръ ненормальный; между тѣмъ онъ ни по виду, ни по поведенію, ни по разговору не напоминалъ подобнаго рода больныхъ. Онъ былъ совершенно нормаленъ; по бѣглому врачебному осмотру — физически и психически здоровъ.

Отвѣчая на вопросы, привезенный офицеръ разсказалъ слѣдующее.

«Пріѣхалъ я на войну въ самомъ началѣ кампаніи съ Кавказа по собственному желанію. Прибылъ въ 20-й Восточно-Сибирскій полкъ во время стоянія на р. Ялу и, начиная съ Тюренчена, принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпавшихъ на долю нашего полка. Терпѣлъ голодь и холодь, дѣлалъ большіе переходы, жилъ лѣтомъ въ палаткахъ, зимой — въ землянкахъ. Нѣсколько разъ легко контуженъ, былъ раненъ... Изъ 20-ти офицеровъ нашего полка къ настоящему времени (14-го февраля 1905 г.) осталось только трое, да и тѣ всѣ расшатали свое здоровье. Я — съ разбитыми нервами. Другого видѣлъ на вокзалѣ — онъ кричалъ: «я японецъ... берегитесь... всѣхъ убью...». Должно быть, сошелъ съ ума. Третій... остался тамъ на позиціяхъ, но за послѣднее время «самъ съ собой разговариваетъ». Условія жизни, какъ видите, не изъ легкихъ... Я и самъ такъ расшаталъ здоровье, что хотѣлъ лишиться себя жизни... «И это было бы такъ», сказалъ онъ тономъ, недопускавшимъ и тѣни сомнѣнія, что, дѣйствительно, онъ исполнилъ бы это.

Хотите знать, какъ я попалъ сюда въ госпиталь?...

— Пожалуйста — разскажите.

— Да, я самъ по собственной инициативѣ никогда бы не пошелъ. Я не допустилъ бы заклеить себя «трусомъ и лодыремъ» передъ своими солдатами, и они меня такъ назвали бы, если бы я шелъ въ госпиталь отдохнуть или, вѣрнѣе, полѣниться. Однако, мое душевное состояніе въ послѣднее время было настолько тяжелымъ и невыносимымъ, что я искренно рѣшилъ умереть... Покончить жизнь самоубійствомъ было постыдно. Въ бояхъ меня не убили... И вотъ я намѣренно сталъ искать случая быть убитымъ пулей непріятеля. Въ послѣдніе дни я вылѣзалъ изъ окоповъ и становился на открытомъ и опасномъ мѣстѣ, гдѣ постоянно

жужжали пролетающія японскія пули и гудѣли артилерійскіе снаряды. Я ждалъ... пульей или снарядомъ ранить меня или убѣть. И я буду избавленъ отъ этой гнетущей и безысходной тоски, которую я въ себѣ чувствовалъ. Я часто выходилъ на открытыя, опасныя, въ смыслѣ раненій, мѣста и ждалъ смерти... какъ чего-то для меня пріятнаго.

Оказалось, что товарищи-офицеры и солдаты давно наблюдали за мной и слѣдили, чтобы я не рисковалъ жизнью. Когда я вышелъ на самое опасное мѣсто, они выбѣжали за мной, силой стащили меня въ окопы и силой увезли къ врачу, прося отправить меня въ нервное отдѣленіе, какъ несомнѣнно больного. Мнѣ было стыдно ѣхать въ госпиталь, но было пріятно видѣть по отношенію къ себѣ заботливость и жалость со стороны товарищей-офицеровъ и солдатъ. Я рѣшился послушать ихъ и поѣхалъ въ госпиталь».

На высказанныя мною сомнѣнія относительно правдивости подобнаго рода явленій на войнѣ офицеръ съ обидою за недовѣріе продолжалъ.

«Разсказанный мною способъ лишить себя жизни былъ не мною выдуманъ и не однимъ мною примѣнялся. Самъ лично видѣлъ то же у солдатъ... Напримѣръ, стоитъ солдатъ на часахъ (въ сторожевомъ охраненіи) и уже весь вышелъ изъ огражденій. Пули свистятъ кругомъ, а онъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ и, видимо, не выражаетъ желанія укрыться. «Онъ ищетъ смерти», говорятъ солдаты между собой. Такъ было со мной; такъ и многіе на войнѣ кончаютъ жизнь свою. Повидному, кончаютъ жизнь геройски отъ руки непріятеля, а по существу самоубійствомъ... Особенно тяжелымъ, развинчивающимъ здоровье на войнѣ состояніемъ является томительное ожиданіе...

Приведенное признаніе о существованіи среди бойцовъ стремленій къ почетному самоубійству—фактъ не единичный. Мнѣ пришлось слышать о немъ много разъ и отъ другихъ участниковъ войны.

Какъ на общую причину, доводящую психику бойцовъ до подобнаго состоянія «исканія смерти», подвергавшіеся этому состоянію воины указываютъ на чисто психическій факторъ «тревожно-томительное ожиданіе» при безцѣльныхъ стояніяхъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Каждую минуту ожиданіе, ожиданіе...

А такъ какъ этотъ психическій факторъ—тревожно-томительное ожиданіе—по ходу сраженій настоящаго времени встрѣчается часто и иногда продолжается по нѣсколькимъ мѣсяцевъ кряду, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что этотъ видъ ослабленія и даже

потери чувства страха встрѣчается довольно часто. Имѣемъ основаніе предположить также, что среди убитыхъ и раненыхъ имѣются лица, «искавшія смерти».

Общей чертой психики героевъ приведенныхъ рассказовъ является *потеря чувства страха*.

У первыхъ двухъ съ потерей чувства страха (инстинкта само-сохраненія) рѣзко бросаются въ глаза дефекты и въ другихъ душевныхъ способностяхъ, какъ, напримѣръ, память, соображеніе, приспособленіе къ окружающимъ условіямъ, чувство чести, собственнаго достоинства и, что главное для военныхъ, чувство воинскаго долга и обязанностей. Эти лица были уже не тѣ живыя личности, каковыми они должны бы быть по своему положенію, а лишь личности-автоматы, исполнявшія безъ всякаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ свои привычныя работы, но не тѣ, которыя диктовались минутой и обстановкой.

Они были безстрашны, но для живого военного дѣла бесполезны.

Съ потерей чувства страха, относящагося къ низшему психизму существа человѣка, мы имѣемъ также потерю чувствъ воинскаго долга и обязанностей, относящихся къ высшему психизму.

Доблестный герой войны, дошедшій до состоянія «исканія смерти», потерявшій чувство страха (инстинктъ само-сохраненія), съ перваго вида, кажется типомъ очень желательнымъ: съ одной стороны потеря страха (что весьма полезно было бы для осуществленія воинскихъ доблестей, сопряженныхъ съ опасностью), съ другой стороны не бросается въ глаза ослабленіе высшихъ чувствъ: воинскаго долга и обязанностей.

Но здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ, при потерѣ чувства страха (инстинкта само-сохраненія), отмѣчается печальная черта въ психикѣ героя—желаніе покончить свою жизнь, «исканіе смерти». А тамъ, гдѣ налицо «исканіе смерти», имѣется и рѣзкое ослабленіе чувства долга, *отказъ отъ исполненія своего служебнаго долга и обязанностей*.

Мы видимъ, слѣдовательно, во всѣхъ приводимыхъ случаяхъ, какъ общее правило, что съ потерей чувства страха (инстинкта само-сохраненія) низшаго порядка природы человѣка теряются и другія чувства высшаго порядка—чувства служебнаго долга и воинскихъ обязанностей.

И это вполне согласуется съ законами психики человѣка, гдѣ при процессахъ утраты психическихъ способностей всегда утра-

чиваются сначала психическія пріобрѣтенія высшаго порядка—чувства долга и обязанностей, какъ пріобрѣтенія болѣе поздняго времени, позже всего утрачиваются чувства низшаго порядка—страхъ, гнѣвъ и др.

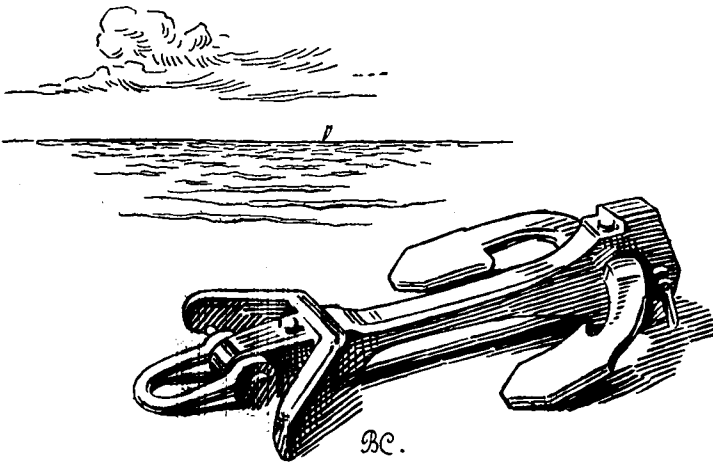
Когда же мы имѣемъ налицо потерю пизшихъ чувствованій, то высшія чувства являются уже потерянными.

Такого состоянія психики воина, гдѣ бы съ одной стороны имѣлось «отсутствіе чувства *самосохраненія*», причемъ, теряя это относящееся къ низшему психизму чувство, съ другой стороны, этимъ самымъ еще болѣе усиливалось бы высшее чувство человека—чувство долга и совѣсти» ²⁾, быть не можетъ.

Приведенные герои рассказовъ, какъ видно изъ описанія ихъ, лица, психически заболѣвшія. И слѣдовательно, это уже не норма психическихъ явленій, а патологія—болѣзненное состояніе. Эти лица для живого военного дѣла потеряны. Ждать отъ нихъ проявленій военной доблести уже нельзя. И для военного дѣла развѣ нуженъ подобный—потерявшій страхъ воинъ, вѣрнѣе, воинъ, психически заболѣвшій?

Поэтому, я въ корнѣ не согласенъ съ положеніемъ г. Дмитревскаго ³⁾, когда онъ, возражая мнѣ, говоритъ «г. III—ъ глубоко ошибается, задавая такой вопросъ: развѣ намъ нуженъ такой воинъ? Да, воинъ безъ страха былъ бы идеаломъ!»

Ш—ъ.

Вс.

²⁾ А. Дмитревскій: «Военный Сборникъ», Ноябрь 1912 г., стр. 92.

³⁾ Стр. 92.